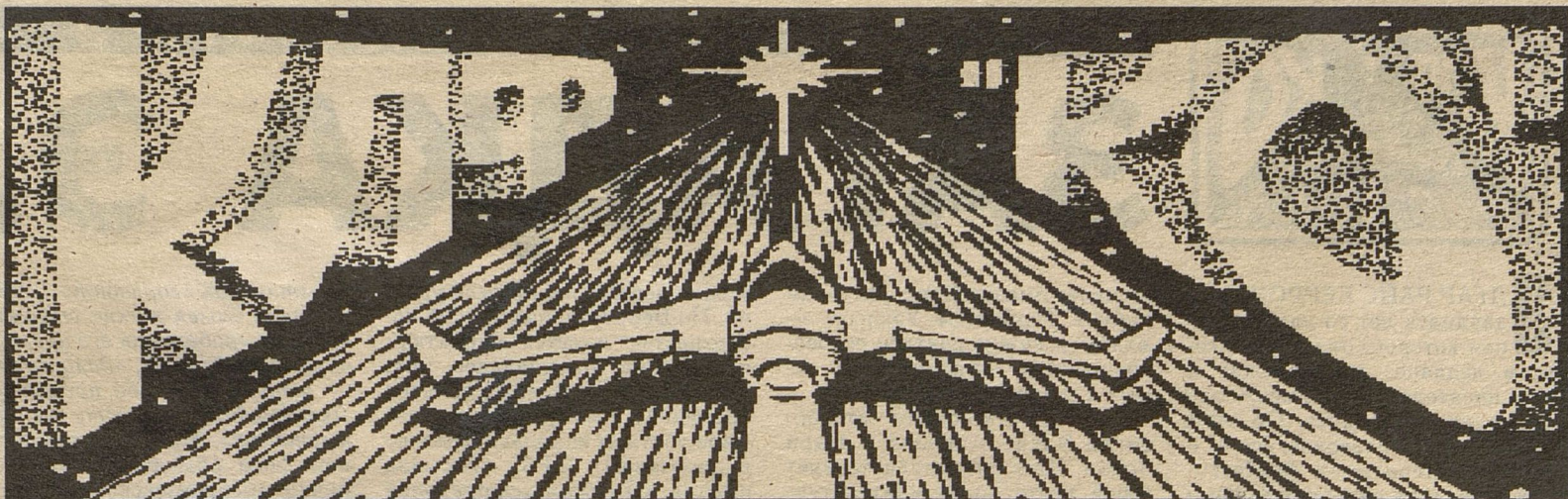

* ПИСАТЕЛЬ В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ *

Кн. обозрение. — 1995 — 19 Дек. — С. 15

СТАНИСЛАВ ЛЕМ: «ПОЛИТИК НЕ ДОЛЖЕН БЫТЬ СЛИШКОМ УМЕН»

Предлагаем вниманию читателей «КО» выдержки из беседы выдающегося польского фантаста с Кишиштофом Мрозевичем, опубликованной в варшавском еженедельнике «Polityka» (1995, № 41).

К.М.: — От всего сердца поздравляю вас с днем рождения (12 сентября. — Прим. перев.). Состоявшийся недавно в Варшаве конгресс космонавтов по этому случаю прервал заседания, сел в самолет и отправился в Краков, чтобы вручить вам медаль.

С.Л.: — Я оказался в неудобном положении. Не знаю, как отвечать на похвалы. Если тебя ругают, можно огрызаться, а если хвалят, нельзя же в ответ говорить: да-да, я и есть та самая великая личность. К тому же, по-моему, в наименованиях «астронавты», «космонавты» слишком много преувеличения. Мы же не называем землепроходцем человека, который съездил раза два в Мысленице (городок неподалеку от Кракова. — Прим. перев.). Окрестности Земли, включая Луну, не Бог весть какая даль. Хотя об этом, конечно, не говорят на торжественных церемониях. В ближайшие столетия человечеству нечего будет искать в Космосе. Космос на редкость негостеприимен. Не думаю, что когда-нибудь дело дойдет до переселения на другие планеты. Правду сказать, это пахивало бы космическим ГУЛАГом. Уже с Луны видно, что есть одна голубая планета Земля, а все остальное вокруг — мертво.

К.М.: — А вдруг там кто-нибудь существует? И если да, то как вы себе представляете, к примеру, космические религии?

С.Л.: — На склоне лет я мало верю в существование космических цивилизаций. К тому же иные формы жизни необязательно будут белковыми. Что-то не верится в предустановленную гармонию, согласно которой всякая форма жизни непременно увенчивается разумом. Впрочем, наш собственный, земной разум сильно хромает, и хвастаться нам особенно нечем. А ощущают ли другие формы жизни «метафизическую потребность» — трудно сказать. На Земле есть множество видов религии, и еще одну я выдумал сам. Вот она: Бог существует попеременно; сначала он есть, потом его нет, потом снова есть и так далее. Периодически, по синусоиде. И ничего общего с человекообразностью он не имеет.

Как раз перед вашим приходом я читал книгу Чеслава Милоша о метафизике. Во всей этой книге

едва ли найдется хоть одна фраза, с которой я был бы согласен. Я упорно стою на том, что после смерти с нами будет то же, что было до нашего рождения. То есть: не было нас и не будет. Пока я есть, смерти нет, а когда есть смерть, нет меня. Религии — это протезы, помогающие освоиться с мыслью о горестной перспективе небытия.

К.М.: — Вопрос, возможно, слишком личный: у вас есть мечты?

С.Л.: — Когда-то я отвечал на подобный вопрос для анкеты «Франкфуртер альгемайне цайтунг». Я мечтаю о другом человечестве. Потому что наше человечество кажется мне довольно-таки скверным. В одном из последних номеров «Культуры» Гедройц написал, что поляки — ужасный народ. А потом, должно быть, задумался и добавил: собственно, все народы ужасны. Поляки не составляют печального исключения.

К.М.: — А каким вы себе представляете это идеальное человечество? Лишенным крайностей, «среднеземным» — не жестоким и не гениальным? Допустим, скверны в человечестве поубавилось — этого было бы достаточно?

С.Л.: — <...> Если бы все стали чуть благороднее, если бы не было столько безумцев, фанатиков и идиотов... Нет, это не решает проблемы. Хотя, конечно, было бы хорошо, если бы люди вели себя немного приличнее. <...> Человек — существо, которое лучше всего чувствует себя в умеренном климате. Без фанатизма и суровых репрессий.

К.М.: — А генный атлас не мог бы помочь делу?

С.Л.: — Работу по его составлению невозможно приостановить. Если она прекратится, скажем, в Америке, ее продолжат японцы. Но при помощи генов нельзя устроить так, чтобы люди не крали.

К.М.: — При помощи религии — тоже. Впрочем, религии крайне неодобрительно смотрят на попытки «улучшить» человеческую натуру.

С.Л.: — Я очень резко отделяю вопрос о прерывании беременности от вопроса о противозачаточных средствах. Теперь мы можем точно установить, обладает ли плод генетическими дефектами, которые делают человека калекой. Не знаю, в каком вероучении предусмотрена возможность появления несчастных сиамских близнецов, у которых две ноги и две головы и которые неизбежно погибнут. Не знаю, пробовал ли кто-нибудь такое существо окрестить.

К.М.: — Вы — постоянный со-

трудник еженедельника католических интеллектуалов...

С.Л.: — Я не смог бы сотрудничать в газете воинствующих антиклерикалов. Сам я к воинствующим антиклерикалам не отношусь. Каждый имеет право верить во что хочет и исповедывать свою веру публично, за исключением тех, кто призывает вешать, резать, жечь и поджаривать других людей.

Никто, в том числе церковь, не в силах остановить исторически неизбежные перемены. Мало кто знает, что, согласно учению католической церкви, Матерь Божия вознеслась на небо неполных столетий назад. Теперь уже не утверждают, что женщина не имеет права голоса в церкви. И предстоит еще большие перемены, если не при нынешнем папе, то при следующем. <...>

К.М.: — Итак, после долгих лет интеллектуальных приключений, связанных с Космосом, вы обращаетесь к земным проблемам?

С.Л.: — Меня всегда занимали проблемы Земли. В моих книгах, как в кривом зеркале, так или иначе отражались земные дела. Если бы я действительно писал о Космосе, никто ничего бы не понял, включая меня самого.

К.М.: — Часто говорят о конце эпохи. А у вас есть свое собственное определение времени?

С.Л.: — Пожалуй, нет. Но известно, что происходит со временем в разных закоулках Космоса. Чем сильнее гравитация, тем медленнее ход времени. На поверхности черных дыр, где гравитация сильнее всего, время останавливается.

А на Земле настоящее время, то есть текущий момент, длится, условно говоря, секунду. Соприкосновение с текущей реальностью продолжается около секунды. Почему это так — неизвестно.

К.М.: — А вам не кажется, что в нашей культуре время есть страх перед смертью?

С.Л.: — Это метафора. Говорят, какой-то способ путешествия во времени придумал Хокинс. Он попросил у английского правительства субсидию на постройку своей машины — ну, может быть, не сразу машины времени. Ясно, что он ни гроша не получит. Путешествовать во времени, скорее всего, нельзя. В будущее нельзя, потому что его еще нет. В прошлое нельзя, потому что его уже нет. К тому же энергия, которую пришлось бы затратить на перемещение во времени, столь велика, что любое тело превратится в прах. Если бы и удалось что-нибудь переслать потомкам, то, самое большее, шепотку пыли.

<...> Путешествовать во времени имело бы смысл, если бы удалось обратиться вспять ход изменений в организме и помолодеть — но не при помощи пластической хирургии. Увы, рост энтропии необратим. Ничего не поделаешь.

К.М.: — В таком случае поговорим о более низких материях. За какие черты политика вы голосовали бы на будущих президентских выборах?

С.Л.: — <...> Политик не должен быть слишком умен. Очень умный политик видит, что большая часть стоящих перед ним задач совершенно неразрешима.

К.М.: — А как насчет чувства юмора?

С.Л.: — Люди без чувства юмора — умственные калеки. Это ужасный изъян. Политиками такие люди не должны быть ни в коем случае. С другой стороны, быть писателем-юмористом — тоже мало приятного. Известно: чуть ли не все юмористы, включая Мрожека, — люди весьма угрюмого нрава, а их жизнь совсем не похожа на сплошной фейерверк смеха.

К.М.: — Существует ли область жизни политика, в которую заглядывать не следует?

С.Л.: — Безусловно. Гитлер страшно боялся, чтобы у него не вырос живот и чтобы кто-нибудь, упаси Боже, не подумал, будто он может вступить в брак. Но в демократическом государстве, скажем, в Штатах, любой гемморрой президента, любой камешек в мочонке становятся предметом аналитических разборов в печати. Я, вслед за Збигневом Гербертом, сказал бы, что это вопрос вкуса. Если политику случится разок изменить жене, это еще не конец света. К человеческим слабостям, которых у политиков сколько угодно, нужно относиться с долей терпимости.

К.М.: — А кто, по-вашему, хороший политик? Или был хорошим политиком?

С.Л.: — Аденауэр. Германии повезло, что он успел убежать от Гитлера. Мне бы хотелось, чтобы у нас был политик наподобие Вацлава Гавела. Просто потому, что это — нравственный образец. Возможно, он не самый практичный политик, не знаю; зато у нас, по-моему, вообще нет политической элиты. В сущности, нам говорят: вот вам немного свеклы, вот пучок спаржи четырехлетней давности, вот пара подгнивших морковок — выбирайте себе на обед что хотите...

Перевел с польского
К.ДУШЕНКО.

19.12.95.
Леді Станислав